

СЛОВО

въ день Рождества Христова *).

*Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ
въ міръ, да свидѣтельствую истину:
и всякъ, иже отъ истины, послушаетъ
гласа Моего. (Еван. Іоан. XVII, 37).*

Сего — то свидѣтеля истины день рожденія нынѣ благодарно и воспоминаемъ мы и стоимъ мысленно у мѣста рожденія Его. Не блазнитеся послѣднимъ, хотя оно и окружено всѣми знаками печальной необычайности и ужасающаго уничтоженія. Солнце даетъ знать о себѣ и изъ-за-облаковъ, прорѣ-

*) Произнесено въ кафедральн. соборѣ 25 дек. 1881 г.

зывая ихъ порою сияніемъ лучей своихъ. Вертепу ли и скотскимъ яслямъ закрыть собою величіе Того, Кто есть истинное и вѣчное *сіяніе славы* небеснаго Отца своего (Евр. 1, 3)?

Двѣ страшныхъ ночи знаемъ мы въ жизни Христа Спасителя: это, Вилеемская, когда родился Онъ, и Иерусалимская, когда на судѣ синедріона стоялъ Онъ. Мы назвали ночи эти страшными, потому, что первая изъ нихъ, какъ бы младенцу позора, дала Ему вертепъ и ясли скотскія, а послѣдняя — крестъ, какъ будто злодѣю. Обѣ эти ночи, по человѣческимъ соображеніямъ, не обѣщали, по видимому, ничего ни Ему, ни другимъ отъ Него. Ибо какое будущее могло быть у Того, Кому, при появленіи на свѣтъ, отказано было въ жилищѣ человѣческомъ и даже въ обычной младенческой колыбели? И какое могъ имѣть значеніе для другихъ Тотъ, Кто на верховномъ судѣ былъ осужденъ, какъ лътецъ и развратитель народа, какъ богохульникъ и злодѣй, и чье имя могло перейти въ потомство не иначе, какъ только имя, преданное проклятію? *Проклятъ всякъ, висѣй на деревѣ.*

Но мы знаемъ, что не такъ совершилось на самомъ дѣлѣ.

Мракъ, какой на богочеловѣчество Христа набрасывалъ Вилеемскій вертепъ, насколько то было нужно по обстоятельствамъ времени, въ ту же ночь, разсѣянъ былъ явленіемъ Ангеловъ, велегласно возвѣстившихъ міру о томъ великомъ переворотѣ, какой на небѣ и на землѣ произвелъ Богомладенецъ Христосъ и однимъ своимъ рожденіемъ. *Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе.* (Дук. 11, 14), воспѣвали Ангелы. Мракъ Иерусалимской ночи, силвишійся закрыть отъ міра навсегда Спасителя міра и Его дѣло на землѣ, въ концѣ же ночи, разсѣянъ былъ на всѣ времена свидѣтельствомъ Христа, какое далъ Онъ о Себѣ и своемъ дѣлѣ на судѣ у Пилата. *Азъ на сіе родихся, сказалъ Онъ, и на сіе прихождъ въ міръ, да свидѣтельствую истину: и всякъ, иже отъ истины, послушаетъ гласа Моего.* Братія! Мы не погрѣшимъ противъ благовременности, если въ началѣ слова, вмѣсто ночи Вилеемской, съ которою связано славное событіе рождества Христова, остановимъ на-

ше вниманіе на нѣсколько мгновеній на ноци Иерусалимской, когда Христомъ дано было о Себѣ и Своемъ дѣлѣ на землѣ вышеприведенное нами свидѣтельство, и затѣмъ разсмотримъ это свидѣтельство, какъ прямо касающееся воспоминаемаго нынѣ славнаго событія.

Царь ли Ты Иерусалимскій (Ев. Іоан. ХVІІ, 33)? спросилъ Иисуса Пилать въ своей преторіи. Вопросъ этотъ — обыкновенный. На судебномъ языкѣ онъ выражаетъ лишь обыкновенную формулу: признаетъ ли себя подсудимый виновнымъ въ томъ, въ чемъ обвиняютъ его? Но по отношенію ко Христу, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ не долженъ былъ, однако, имѣть мѣста на судѣ у Пилата; такъ какъ на ночномъ судебномъ засѣданіи Синедріона, на которомъ признали Христа повиннымъ смерти, архіереи и старѣйшины не выставили противъ Него такого обвиненія. По этому-то, прежде, чѣмъ дать отвѣтъ, Христосъ спросилъ Пилата: самъ ли онъ, Пилать, имѣетъ поводъ и основаніе обвинять Его въ такомъ политическомъ преступленіи, какъ присвоеніе Имъ Себѣ власти Кесаря надъ Іудеею, или же другіе предъ нимъ въ томъ обвиняютъ Его? Когда Пилать указалъ на обвинителей, тутъ-то Христосъ и нашелъ нужнымъ опровергнуть обвиненіе и съ этою цѣлю разъяснить предъ Палатомъ свое особенное призваніе въ міръ и свое особенное дѣло на землѣ не по отношенію только къ Іудеѣ, которая тогда была подвластна Риму, но и вообще въ отношеніи ко всему міру. И вотъ, несколько не отрицая за собою царскаго достоинства, Христосъ наглядно доказалъ Пилату, что съ стороны политической Онъ не опасенъ не только для Кесаря, но и ни для кого изъ царей земныхъ, что *царство Его — не отъ міра сего, т. е.* не политическое, не мірское, что область царства Его — это область духа, — совѣсть и сердце сего послѣдняго, — оружіе Его — это истина, члены царства Его, это — ученики Его, при-емлющіе истину, такъ что самая цѣль Его рожденія и при-шествія въ міръ состоитъ именно въ томъ, чтобы своимъ свидѣтельствомъ подтвердить истину. *Азъ на сіе родился и на сіе пришелъ въ міръ, да свидѣтельствую истину; и всякъ, иже отъ истины, послушаетъ гласа Моего.*

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Христосъ далъ Ци-
 — 81 —

лату свидѣтельство о Себѣ и своемъ дѣлѣ на землѣ.

Насколько широко и глубоко понялъ свидѣтельство Христово Пилатъ, какъ язычникъ, для насъ это не важно теперь. Довольно, что и онъ усмотрѣлъ изъ него, что возводимое на Христа политическое преступленіе есть не болѣе, какъ чистая ложь и клевета. Но для насъ, — для послѣдователей Христовыхъ всѣхъ временъ и мѣстъ, свидѣтельство Христово особенно драгоцѣнно потому, что оно, какъ увидимъ изъ внимательнаго разсмотрѣнія его, составляетъ Его послѣднее, Его предсмертное слово о Себѣ, какъ о Лицѣ и Свидѣтелѣ Божественномъ, равно такое же слово и о истинѣ, которую засвидѣтельствовалъ Онъ, какъ истину, непреложно Божественную.

Азъ, говорить, на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину. Какой человѣкъ можетъ такъ говорить о себѣ, какъ о свидѣтелѣ? Съ перваго же слова видно, что Христосъ заявляетъ Себя свидѣтелемъ необычайнымъ, безпримѣрнымъ. Всѣ человѣческіе свидѣтели обыкновенно являются таковыми лишь случайно. Они свидѣлствуютъ о томъ или другомъ дѣлѣ потому только, что случайно, въ данный моментъ, видѣли его сами или слышали о немъ отъ другихъ; они притомъ могутъ свидѣтельствовать, могутъ, по обстоятельствамъ, и уклониться отъ свидѣтельства, или извратить оное въ ущербъ истины. Христосъ словами своими: *Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ,* — выдѣляетъ Себя рѣзко и явно изъ числа такихъ свидѣтелей. По прямому смыслу этихъ рѣченій Его, Онъ — свидѣтель по природному своему призванію, свидѣтель, слѣдовательно, не случайный, а необходимый, свидѣтель такой, который, не смотря ни на что, вездѣ и всегда, обязывался къ безусловному свидѣтельству истины, и только истины, и который долженъ искать и домогаться этого свидѣтельства, какъ призванный къ тому цѣлю своего рожденія и явленія въ міръ. Такъ! Но этимъ не исчерпывается еще понятіе о свидѣтельствѣ Христовомъ: въ немъ содержится и болѣе. *На сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину.* Не примѣчаете ли, что здѣсь говоритъ кто-то бывшій, кто-то лично существовавшій еще до своего рожденія въ вер-

тепѣ и знавшій предлежавшее Ему дѣло въ мірѣ до появленія своего въ мірѣ? Какой человѣкъ, какъ человѣкъ, дерзнетъ сказать о себѣ, что онъ родился для того и того именно, когда, въ моментъ рожденія, онъ не сознавалъ ни себя, ни своего рожденія? И какъ Христось, рожденный въ вертепѣ, воспитанный среди бѣдности и нигдѣ не учившійся, могъ сказать о Себѣ, какъ человѣкъ, какъ сынъ Маріи только, что Онъ для того родился и пришелъ въ мірѣ, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ, когда ни рожденіе, ни воспитаніе Его не предназначали Его не только къ безусловному, но и къ случайному свидѣтельству истины или учительству? Тайну сію открываетъ намъ Божіе писаніе.

Пророкъ говоритъ отъ лица Отца небеснаго, что Христось, какъ Лице Божественное, существовалъ еще *прежде денницы*, т. е. прежде сотворенія міра. Самъ Христось говоритъ о Себѣ, что Онъ *сошелъ съ неба, гдѣ имѣлъ славу у Отца прежде міръ не бысть* (Ев. Іоан. VI, 38, XVII, 5). Евангелистъ Іоаннъ пишетъ о Христѣ, что Онъ *исходи бы у Бога Отца (1, 2), вѣчно пребывалъ въ лонѣ Его (ст. 18) и что безъ Него ничтоже бысть, еже бысть (ст. 3)*. Онъ же, Іоаннъ, въ откровеніи своемъ, называя Христа *свидѣтелемъ вѣрнымъ*, выставляетъ и причину, почему онъ такъ называетъ Его. *Азъ есмь*, говоритъ онъ о немъ Его же словами, *Алфа и Омега, Начатокъ и конецъ, Сый, и Иже бы, и Грядый, Вседержитель* (Апок. 1, 8). Понятно, что Христось, только въ смыслѣ изначальнаго личнаго бытія своего, могъ сказать о Себѣ, что Онъ родился, т. е. воплотился и вочеловѣчился, и въ этомъ видѣ, въ данный моментъ, путемъ рожденія, явился въ мірѣ собственно затѣмъ, чтобы своимъ свидѣтельствомъ подтвердить и укрѣпить на землѣ царство истины.

Въ смыслѣ данное Имъ свидѣтельство истины должно быть дѣйствительно безусловно вѣрнымъ, безусловно руководительнымъ. Какъ исходи бывший у Бога, — въ лонѣ Отца, Онъ естественно одинъ только могъ повѣдать міру и то, что не доступно разумнѣю сотворенныхъ существъ, какъ напр., тайну внутренней жизни Божества, Его личныхъ свойствъ и предвѣчнаго Божественнаго совѣта о спасеніи человѣка рож-

деніемъ во времени предвѣчно Рожденнаго отъ Отца единого-роднаго Сына Его. Съ другой стороны, предъ лицомъ Его, какъ предъ лицомъ вѣчнаго свидѣтеля, прошло во всемъ своемъ процессѣ и все великое дѣло творенія міра и чело-вѣка, совершилось изгнаніе послѣдняго изъ рая и осужденіе на рабство, даны обѣтованія прародителямъ и послѣдующимъ за ними патріархамъ, законъ — Моисею и пророчества пророкамъ. *Азъ есмь Сый, и Иже стѣ, и Грядый, Вседержитель.* Словомъ, предъ лицомъ Его, какъ Вѣчнаго и Вседержителя, проходила вся домостроительная истина и развивался весь планъ Божественный о воспитаніи и спасеніи чело-вѣка. Такъ!

Но, будучи свидѣтелемъ истины безусловно состоятель-нымъ, или, по выраженію тайнозрителя, *свидѣтелемъ вѣр-нымъ*, какую же, въ частности, истину приходилъ Онъ за-свидѣтельствовать въ мірѣ?

Замѣчательно, что Христось, указавъ на Себя Пилату, какъ на Свидѣтеля истины, не сдѣлалъ и намека на то, къ какой области вѣдѣнія принадлежитъ свидѣтельствуемая Имъ истина. Этимъ, безъ сомнѣнія, давалъ Онъ понять язычнику, что истина Его не есть мудрость чело-вѣческая и что она не можетъ быть плодомъ однихъ усилій чело-вѣческаго ума въ отысканіи ея въ той или другой сферѣ чело-вѣческихъ знаній, или народныхъ вѣрованій. По словамъ великаго современни-ка Пилатова, именованъ котораго впоследствии огласился весь міръ, какъ школы философскія, такъ и національныя язы-ческія религіи того времени, давно уже *замыслили истину Божию ложью* (Римл. 1,25). Потерю чистой истины, какъ въ философіи, такъ и языческой религіи, безъ сомнѣнія, чув-ствовалъ и Пилать. Вопросъ его, обращенный ко Христу, въ слѣдъ за свидѣтельствомъ Сего послѣдняго о Себѣ, — вопросъ: *что есть истина?* едва-ли не выражалъ: или скорбь его о трудности найти истину, или горькую иронию надъ искателя-ми ея въ виду безплодныхъ усилій ихъ.

Такъ какую же истину разумѣлъ Христось? Ту, безъ сомнѣнія, которая изречена была Самимъ Богомъ и, откры-тая такимъ путемъ, *пробываетъ во вѣкъ* неизмѣнною, какъ сама мысль Божія. Объ этой истинѣ упоминалъ Христось на-

кануль осужденія Своего, когда, въ первосвященнической молитвѣ къ Отцу небесному, просилъ Его объ ученикахъ своихъ, какъ будущихъ вѣстникахъ ея. *Святыхъ во истину*, сказалъ Онъ въ молитвѣ Своей и прибавилъ: *Слово отъ Твое истинное есть* (Еван. Іоан. XVIII. 17). Слѣдовательно Христось разумѣлъ ту истину, которую Отецъ небесный *многочастнымъ и многообразнымъ* изревалъ міру чрезъ избранниковъ своихъ (Евр. 1, 1), — истину откровенную, *однажды сказанную*. Какъ воспитательная и домостроительная истина эта, согласно плану Божественному, шла чрезъ Патриарховъ, Моисей и Пророковъ, раскрывалась мало-помалу, постепенно, по мѣрѣ возраста и духовной приѣмлемости избраннаго народа, а въ концѣ концовъ, подтвержденная Христомъ, запечатлѣна была кровію Его и передана церкви для всеобщаго храненія и руководства, какъ непереложио Божественная. Удовлетворяя собою всемъ потребностямъ челоѣка, какъ существа духовно — нравственнаго, обнимая все его духовныя нужды и состоянія, открывая ему надежды и освѣщая пути его духовной жизни, истина эта безусловно необходима для челоѣка, всегда и повездѣ, на всѣхъ степеняхъ его развитія и во всѣхъ его положеніяхъ, во всѣхъ странахъ міра, племенахъ и народахъ. Безъ нея челоѣкъ нигдѣ и никогда не можетъ быть истиннымъ челоѣкомъ, потому что не можетъ правильно познавать себя и стоять въ должныхъ отношеніяхъ къ Богу, какъ своему первообразу. Истина о Богѣ, Творцѣ міра и Промыслителѣ, о сотвореніи челоѣка по образу Божию, о паденіи челоѣка и первородномъ грѣхѣ, о отравившемъ собою все потомство его, о судѣ надъ нимъ и изгнаніи изърая, о смерти его, какъ послѣдствіи грѣха, о искушеніи его чрезъ обѣтованнаго Спасителя и о благодатномъ возрожденіи, о згробной жизни его и вѣчной славѣ съ Искушителемъ: вошь въ частности эта истина! Этою именно истинною Отецъ небесный, въ лицѣ избраннаго народа, воспитывалъ челоѣчество и приготавливалъ оное къ принятію Спасителя міра. Эту собственно истину подтверждалъ своимъ свидѣтельствомъ и Христось и проводилъ ее въ своемъ ученіи, не какъ послѣдній, только свидѣтель ея, но и какъ дѣйствительный, посланный отъ Отца, Спаситель

міра, какъ именно Тотъ самый, на Котораго, чрезъ длинный рядъ вѣковъ, указывали обѣтованія и прообразованія, о Которомъ предсказывали Моисей и пророки. Подтверждалъ ее не словомъ только и святѣйшею жизнію, но силами, чудесами и знаменіями (Дѣян. 11, 22). Въ лицѣ Христовомъ объединилось, такимъ образомъ, и завершилось все ветхозавѣтное и новозавѣтное домостроительство, какъ единый планъ Божественный, во главѣ котораго, отъ начала и до конца, — отъ первоевангелія во вѣдѣ до послѣдняго слова Христова на крестѣ—*совершишася* (Быт. III, 15, Ев. Іоан. XIX, 30), стоялъ одинъ верховный Распорядитель, — Отецъ небесный (Евр. 1, 1). Возвѣщалъ Свое ученіе и велъ Свое дѣло Христосъ во имя и отъ Лица Отца небеснаго, какъ именно свидѣтель, или посланникъ. *Ученіе Мое, говорилъ Онъ, нпсть Мое, но пославшаго Мя Отца* (Ев. Іоан. XVII, 17). *Сидюхъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (VII, 38). Такъ! — *Что же теперь?* — Какъ мы должны относиться къ откровенной истинѣ? И какъ относилось и относится къ ней Божественное провидѣніе, послѣ того, какъ завершилось со Христомъ домостроительство? Можемъ ли мы думать, что, съ завершеііемъ онаго, закончилось и Божественное попеченіе о судьбахъ истины? Можемъ ли думать, что Отецъ небесный отдастъ ее на произволъ человѣческихъ мудрованій и потерпитъ и небреженіе къ ней и ея поправленіе, когда для ея водворенія на землѣ потребовался длинный рядъ вѣковъ? Никогда! Иначе было бы безцѣльно все домостроительство, а Божественный Домостроитель не таковъ: Онъ не терпитъ, чтобы *малогъ* Его *возвращался тоузъ* отъ земли. Притомъ и ясли Христовы и крестъ Христовъ, которыми завершилось Божественное домостроительство, не таковы, чтобы они допустили поправленіе откровенной истины, съ потерю которой теряется и ихъ значеніе въ мірѣ. Сынъ Божій — въ скотскихъ ясляхъ!.. Сынъ Божій страждетъ и умираетъ за насъ на крестѣ, какъ исполнитель воли небеснаго Отца!.. Не претитъ ли здравому смыслу до нестерпимости и одна бѣлая мысль о томъ, чтобы Отецъ небесный допустилъ безнаказанно умалять или отрицать значеніе безпредѣльной любви къ міру Своего

Единородного, какая явлена Имъ въ Его край немъ самоуничиженіи и самоотверженіи для міра? Да!

Что Божественное Провидѣніе блѣло и недремлемо блить надъ охраненіемъ откровенной истины, на это даетъ намъ свидѣтельство вселенская церковь. Не смотря на вѣковыя гоненія христіанъ, когда кровь ихъ лилась рѣкою, она и доселѣ сохранила и хранить богопреданную ей истину во всей цѣлости и чистотѣ. Что Божественное Провидѣніе не только охраняетъ откровенную истину, но и грозно караетъ враговъ ея, объ этомъ повѣдаютъ намъ судьбы народовъ— древнихъ и новыхъ. Когда она, эта истина, въ лицѣ Христа, была отвергнута избраннымъ народомъ, отвергнутъ былъ тогда отъ лица Божія и самый народъ. И не на рѣкахъ только Вавилона, какъ было нѣкогда, но и на рѣкахъ, едва ли не всего міра, сыны его, какъ всесвѣтныя скитальцы, вотъ уже болѣе 18 вѣковъ, во свидѣтельство унаслѣдованнаго ими прародительскаго противленія истинѣ, сидятъ съ грустною думою о потерянномъ Иерусалимѣ и съ волнами ихъ (рѣкъ) мѣшаютъ горькія слезы своего изгнанничества. Завидна ли участь и тѣхъ изъ современныхъ государствъ, въ которыхъ истина Христова не охраняется, а невѣріе и отрицаніе распространяются свободно? Увы, они представляютъ собою далеко—далеко не отрадное зрѣлище, не смотря на всѣ успѣхи наукъ и цивилизаци. Мягутся всюду народы, распространяются крамолы, потрясаются основы государственныя, общественныя и семейныя, порывается союзъ съ церковію, отравляется литература цинизмомъ и развратомъ, гибнутъ добрыя нравы, безстыдствуютъ собранія наготою женъ и дѣвъ, осмѣиваются духовные подвиги, позорятся служители вѣры, растетъ неудержимо ненасытная алчба наживы, распространяется воровство и грабительство, оскудѣваетъ болѣе и болѣе сила нравственная и честность служебная, возрастаетъ число вертеповъ разврата и жертвъ самоубійства! И, что всего гибельнѣе, наше время изъ всѣхъ силъ старается осмыслить свое развращеніе и выработать теорію, которая бы оправдывала и узаконяла всякаго рода безстыдства и нравственныя мерзости, такъ что развращеніе растетъ и растетъ, но оно, о, верхъ упадка, не мыслится и не признается таковымъ. Что все это,

если не знаменіе оставленія насъ Богомъ и не выраженіе гнѣва Его къ намъ? Говоря такъ, не догадку высказываю я, а непреложную истину. *Открывается*, говоритъ Апостоль, *гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду чело- вѣчювъ, подавляющихъ истину неправдою* (Рим. 1, 18). Открывается потому, что подавляемая истина настолько *явле- на* для всѣхъ (Рим. 1, 18), какъ многократно засвидѣтель- ствованная свыше, и настолько извѣстна по своей Божествен- ной осезаемости и міродержавному значенію, что одно толь- ко упорное нежеланіе знать ее можетъ не признавать ее и отрицать ея всемірное, руководящее и рѣшающее, значеніе. *Открывается гнѣвъ Божій*, по словамъ Апостола, въ томъ именно, что Господь подавляющихъ истину неправдою и по- слѣдователей ихъ *предаетъ постыднымъ страстямъ и превратному уму дѣлатъ непотребства* (Рим. 1, 26, 28). Насколько страшна кара эта, не трудно предугадывать. Она, очевидно, обрекаетъ всѣхъ, прямо или косвенно виновныхъ въ подавленіи истины, ко всѣмъ тѣмъ ужасающимъ послѣд- ствіямъ, къ какимъ неизбѣжно приводятъ государства, обще- ства и семейства непотребства превратной мысли и необу- данное господство страстей. Допускаетъ эту мѣру Божест- венное Провидѣніе съ тою, безъ сомнѣнія, цѣлю, чтобы, пу- темъ горькаго опыта, путемъ общихъ и частныхъ неустройствъ, бѣдъ и потрясеній, вразумить наконецъ міръ, что безъ от- кровенной истины, какъ положенной Самимъ Богомъ въ ос- нованіе воспитанія и благоденствія народовъ, не возможна не только духовная, но и всякая другая правильная жизнь, что безъ нея, при всѣхъ успѣхахъ наукъ и цивилизаціи, ни- чего нельзя ожидать, кромѣ разстройства, оскуднѣнія духов- ныхъ силъ, развитія эгоизма и животныхъ инстинктовъ, раз- ложенія и даже духовнаго одичанія челоуѣка. Вѣдь, чело- уѣкъ въ союзъ только съ Богомъ—челоуѣкъ! И тогда толь- ко идетъ и развивается правильно, когда истина Господня освѣщаетъ стези его! Да, въ наше время есть надъ чѣмъ по- думать правителямъ и учителямъ народнымъ, отцамъ и ма- терямъ!

Братія! Слово наше закончено. Какія же мысли и чув- ства вынесемъ мы изъ святаго храма сего въ настоящій день

рождества Христова? Мысли о великомъ благодѣяніи, каково явилъ міру Богочеловѣкъ Христосъ, какъ свидѣтель истины, и какъ утвердившій своимъ свидѣтельствомъ навсегда царство истины? Да, это такъ. Но не лишне, думаю, вложить намъ въ сердце, въ самую глубь нашего сердца, слово Апостола, что постигаетъ *никогда Божій съ неба всякое нечестіе и неправду человековъ, подавляющихъ истинную неправдою*, и затѣмъ въ покаяніи предъ свидѣтелемъ истины и истиною, вдуматься и вдуматься глубоко, съ какою искреннею и благоговѣйною вѣрою впредь должны мы относиться къ Богооткровенной истинѣ и съ какою заботливостію воспитывать любовь къ ней и въ нашихъ дѣлахъ. Запомнимъ, вспомнимъ навсегда что безъ этой истины нѣтъ воспитанія, нѣтъ просвѣщенія, нѣтъ благоденствія, нѣтъ спасенія, нѣтъ, скажу смѣло, въ человѣка на землѣ, какъ человека. Доказательства на это налицо: они — передъ глазами у всехъ насъ. Амнионъ, адвѣдъ, и дрѣонъ, ставшій онъ и атофки и ну, атрдя онъ и атофки про ичонъ, атофкзо онъ и атофки и ну, атрдя онъ и атофки про

Протоіерей Василій Розалиевъ

II.

СЛОВО ПРОТИВЪ ПЬЯНСТВА.

Пьяница царствія Божія не наследуетъ. (I Кор. VI. 10).

Вотъ какой грозный приговоръ произнесетъ въ словѣ Божіемъ надъ будущею судьбою пьяницъ: „пьяница царствія Божія не наследуетъ“. Почему же пьяница царствія Божія не наследуетъ? Этотъ то вопросъ, братіе, каждому нужно бы всегда имѣть у себя въ головѣ, чтобы намъ не лишиться небеснаго жилища, о которомъ не разъ говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ своемъ Евангеліи, — жилища, гдѣ не будетъ ни слезъ, ни заботы, ни горя; но будутъ жить люди, какъ ангелы небесные живутъ.

Пьянство — порокъ весьма постыдный и весьма ужасный